



# Секция XV. Русистика и когнитивная наука

## Когнитивно-ориентированные и коммуникативно-ориентированные проблемы прагматики: принципы Прагматического Контроля и Кооперации в современном русском языке

М. Б. Бергельсон

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

*Прагматика, дискурс, дискурсивные стратегии, принцип Прагматического Контроля*

**Summary.** The paper deals with interaction between two primary pragmatic forces that shape discourse production, namely the Cooperation Principle and the Pragmatic Control Principle. Their interplay affects both informational and interactional language functions. The data represents quasi-spontaneous conversations taken from TV production. The resulting constructions are characterized with a number of specific lexical, grammatical, and prosodical features.

0. В докладе на примере современного русского устного дискурса демонстрируется взаимодействие двух основных прагматических принципов – принципа Кооперации и принципа Прагматического Контроля. Эти принципы регулируют информационную и интерактивную функции языка соответственно. В качестве материала используются квазиспонтанные устные диалоги, характерные, в частности, для телевизионных сериалов. Описываются дискурсивные вопросно-ответные стратегии, в которых прагматический контроль со стороны одного из участников приводит к нарушению действия принципа Кооперации.

1. Прагматика не представляет собой отдельного языкового уровня, такого как морфология, синтаксис, дискурс. Явления, традиционно относимые к прагматике, не могут восприниматься как «единицы» прагматического уровня – в частности, из-за их неоднородности, принадлежности к двум окружающим язык вселенным – когниции и коммуникации. Тем не менее, и для прагматики можно говорить о смыслообразующих понятиях знаний и контекста. «Контекст, который релевантен для прагматики общения и коммуникации, представляет собой весьма специальную когнитивную операцию – когнитивное моделирование текущих, быстро меняющихся состояний знаний и намерений собеседника. Таким образом, контекст, конструируемый в процессе социальной интеракции и коммуникации, есть когнитивная репрезентация чужого сознания» [Givon 2005].

2. Результат и сам вид дискурсивного события, его успех или провал во многом зависят от функциональных контекстов коммуникативных взаимодействий. Эти контексты реализуют различия коммуникативных функций языка – информационной, социальной, аффективной, изобразительной. Под функциональным контекстом в первую очередь понимаются параметры основных участников и других характеристик дискурсивного события – Говорящего, Адресата, Внешнего мира, но также и прагматических целей, преследуемых коммуникантами. Прототипические кластеры, образуемые сочетанием указанных выше параметров, реализуются следующими коммуникативными функциями:

- Информирование Адресата (или запрашивание у него информации)
- Регулирование (отражение) социальных отношений участников дискурса
  - Взаимодействие с Адресатом
  - Воздействие на Адресата
- Выражение отношения Говорящего к Миру

- Выражение оценки
  - аксиологической
  - модальной
- Выражение собственно эмоций
- Языковая игра

Выделение такого рода коммуникативных функций языка важно не только само по себе. Оно обладает объяснительной силой в отношении различных теорий, принципов и моделей описания коммуникативных взаимодействий, поскольку эти принципы и теории будучи прекрасным инструментом описания для одних контекстов, часто оказываются бессильными в других.

2.1. То, как в конечном счете осуществляется дискурс, степень прагматической мотивированности языковой формы связаны с потребностью участников коммуникации согласовывать способ вербализации с релевантными для данного контекста фоновыми знаниями, составляющими социокультурный опыт дискурсивной группы, индивидуальным опытом, и текущим контекстом. При этом в качестве основных механизмов, регулирующих когнитивную и коммуникативную деятельность и результирующую языковую форму, выступают принципы Приоритета, Маршрутизации и Линеаризации информации. Но также регуляторами являются и собственно прагматические принципы, лежащие в основе информационной и интерактивной функции языка. Это принципы Кооперации и Контроля, соответственно.

3. Прагматический контроль, связан с оценкой говорящим его права на определенное коммуникативное поведение в отношении адресата [Бергельсон 2006]. Так, в прототипической ситуации вербального побуждения контроль проявляется в возможности субъекта побуждения влиять на свободу воли побуждаемого, вызывая некоторое действие с его стороны, или в субъективной оценке такой возможности. Но понятие прагматического контроля может быть распространено не только на коммуникативную функцию воздействия на адресата. Оно релевантно и для информационной, или информирующей, функции языка, в рамках которой языковые явления описываются принципом Кооперации. Высокая степень прагматического контроля позволяет говорящему нарушать максимы Грайса даже в рамках информационного диалога. Это проявляется в выборе дискурсивных стратегий прямого вопроса, отказе от ответа, несоблюдении требований данного дискурсивного жанра, минимизации пауз, маркированной просодии и других лексико-грамматических и паравербальных манифестациях.

## Синтаксис и совместное построение в русской разговорной речи

Л. А. Гренобль

Дартмутский Колледж

*Анализ бытового диалога; совместное построение; планирование, порождение и обработка дискурса*

**Summary.** The present paper investigates the relationship between clause-level syntax and discourse structures, focusing on how clauses are constructed turn-internally and across turn boundaries. Turns can be collaboratively constructed by more than one interlocutor; these are the so-called “co-constructions.” The existence of co-constructions suggests a shared syntax, in the sense that the syntactic frame begun by one speaker is completed by another, which provides evidence for the relationship between planning, production and processing of conversation.

Современные синтаксические теории в основном ориентированы на понятие фразы и на анализ того, как построить

предложение из фразовых категории. Между тем, анализ бытового диалога, который рассматривает построение реплик

и чередование реплик в диалоге, ориентирован на структуру в более широком смысле. Данная работа соотносит эти два подхода к языку и ставит своей целью описание и анализ совместного построения (co-construction) реплик двумя собеседниками. Совместное построение имеет место в тех случаях, когда один собеседник начинает реплику, а другой собеседник заканчивает ту же самую реплику [1], [2], [3], [4], [7]. Совместно построенные конструкции разделяются на две группы: (1) конструкции, которые некоторым образом расширяют реплику первого собеседника; и (2) конструкции, которые завершают реплику первого собеседника, незаконченную (синтаксически или семантически.) Соответствующие примеры (1) и (2), взяты из интервью радиостанции Эхо Москвы (<http://www.echo.msk.ru/>):

- (1) *Ищем выход...* (02.11.2005; М. Урнов и Д. Орешкин)  
 М. У. 1 Я же не про каждого отдельного депутата говорю.  
 2 Я говорю про некую риторику, от партии исходящую  
 Д. О. 3 ➔ и про настроение избирателей.  
 (2) *Лукавая цифра* (08.08.2006; А. Цыганок и А. Гроссман)  
 А. Ц. 1 У нас в 39-м году подтасованы, не подтасованы были цифры по: э-э...  
 А. Г. 2 ➔ переписи  
 А. Ц. 3 переписи населения. Якобы, Сталин – было 68, но натянули до 190.

Совместное построение реплик, которые находятся или внутри одной реплики или через границы реплик, предполагает, что говорящие обладают единым синтаксисом, в том смысле, что синтаксическая рамка, которой пользуется первый говорящий, «подхватывается» его собеседником. Структура совместных построений дает

информацию об отношениях между планированием, порождением и восприятием / пониманием дискурса. Хотя в некоторых предыдущих исследованиях утверждается, что совместное построение реплик указывает на совместное порождение синтаксических структур «на ходу», данная работа показывает, что скорее синтаксисом управляют строго установленные и грамматические и когнитивные правила, и что синтаксическая структура в большой степени предсказуема (см. [6]). Менее предсказуемо семантическое содержание дискурса; представляется возможным, что собеседники используют предсказуемость синтаксических моделей, для того чтобы изменить на поток информации и тему дискурса или каким-нибудь образом повлиять на них.

### Литература

1. *Helsavuo M.-L.* Shared syntax: the grammar of co-constructions // *Journal of Pragmatics*, 36. 2004. P. 1315–1336.
2. *Lerner G.* On the syntax of sentences-in-progress // *Language in Society*, 20. 1991. P. 441–458.
3. On the 'semi-permeable' character of grammatical units in conversation: Conditional entry into the turn space of another speaker // *Elinor Ochs, Emanuel Schegloff and Sandra Thompson (eds.)*. *Interaction and grammar*. Cambridge, 1996. P. 238–276.
4. *Collaborative turn sequences* // G. H. Lerner (ed.). *Conversation analysis. Studies from the first generation*. Amsterdam, 2004. P. 225–256.
5. *Tsuyoshi O., Thompson S. A.* What can conversation tell us about syntax? // P. W. Davis (ed.). *Alternative linguistics: Descriptive and theoretical modes*. Amsterdam, 1995. P. 213–271.
6. *de Ruiter J. P., H. Mitterer and N. J. Enfield.* Projecting the end of a speaker's turn: A cognitive cornerstone of conversation // *Language*, 82 / 3. 2006. P. 515–535.
7. *Thompson S. A., Couper-Kuhlen E.* The clause as a locus of grammar and interaction // *Discourse Studies*, 7. 2005. P. 481–505.

## «Видовые тройки» в русской аспектуальной системе

А. А. Зализняк; И. Микаэлян

Институт языкознания РАН, Москва; Университет штата Пенсильвания, США

*Глагольный вид, видовая пара, видовая тройка, аспектология, когнитивная славистика*

**Summary.** We claim that the triplets constitute a regular, rather than a marginal phenomenon in Russian since they are generated by the highly productive mechanism of suffixation, that is the same mechanism that generates an imperfective correlate for almost any perfective verb in Russian. This fact does not compromise the status of the aspectual pair as central and constitutive for the Russian aspect as a grammatical category.

Русский вид уже давно стал одной из центральных проблем области лингвистики, обозначившей себя как «когнитивная славистика» (ср. [Dickey 2000]; [Janda 2006]). В частности, в рамках когнитивного подхода было подвергнуто сомнению понятие видовой пары и было выдвинуто альтернативное понятие «аспектуальных кластеров» [Janda 2006]. В статье [Mikaelian, Shmelev, Zalizniak 2007 (в печати)] мы пытались показать, что существование разного рода словообразовательных «пучков» глаголов не отменяет понятия видовой пары (по крайней мере, если исходить из функционального определения видовой пары на основании критерия Маслова). В данной работе мы рассмотрим вопрос о генезисе и функциональном статусе так называемых видовых троек. Мы хотим показать, что видовые тройки представляют собой не периферийное, а в высшей степени регулярное явление, определяющее облик русской аспектуальной системы, поскольку они возникают в результате действия того же механизма, который обеспечивает наличие imperfective correlate практически для любого глагола сов. вида (ср. формы типа *рухать, нагрядывать, встретиться, уцелеть* и т. п., широко употребительные в разговорной речи). С другой стороны, мы утверждаем, что существование видовых троек ни в коем случае не компрометирует понятие видовой пары, конституирующее для русского вида как грамматической категории.

Вопросу о статусе видовых троек в русской аспектуальной системе посвящена обширная литература (см., в частности: [Guiraud-Weber 2004]; [Апресян 1995]; [Ясан 1997, 2001]; [Петрухина 2001]; [Храковский 2005]; [Гиро-Вебер, Микаэлян 2006]). «Видовой тройкой» обычно называют тройку глаголов, деривационно связанных между собой таким образом: имеется бесприставочный глагол несов. вида (назовем его НСВ1), образованный от него префиксацией

глагол сов. вида (СВ) и образованный от этого глагола СВ путем имперфективизации так называемый вторичный имперфектив (НСВ2). Это условие не является, однако, достаточным, так как для видовой тройки необходимо, чтобы оба глагола НСВ претендовали на роль имперфективного коррелята к глаголу СВ или по крайней мере были квазисинонимичны – что возможно лишь в том случае, когда семантический вклад приставки незначителен. Так, например, видовую тройку образуют глаголы *пить – выпить – выпивать*, с «семантически бедной» (имеется в виду, относительно данной глагольной основы) приставкой, а тройка глаголов *писать – переписать – переписывать*, удовлетворяющая сформулированному выше морфологическому условию, но с «семантически богатой» приставкой, «видовой тройкой» не является, потому что *писать* и *переписать* – это разные глаголы, которые никоим образом не могут входить в видовую пару. Однако граница между этими случаями вовсе не так очевидна, как может показаться на первый взгляд.

Мы считаем, что понятие видовой тройки формируется пересечением по крайней мере трех признаков, каждый из которых носит градуальный характер (т. е. представляет собой шкалу). Эти признаки следующие:

1. Величина «семантического вклада» приставки (ср. [Зализняк 1995]): шкала от «семантически полноценной» приставки, образующей новый глагол, до «семантически пустой», образующей perfective correlate и только (мы здесь оставляем в стороне полемику о статусе префиксальных видовых пар и исходим из того, что такие пары существуют).

2. Степень употребительности вторичного имперфектива: шкала от единственно возможной формы (*открывать, перепечатывать*), через контекстно ограниченные формы (ср. *сламывать* – <человека>, но не <ветку>), к виртуально существующим формам (типа *нарисовывать*), встречающимся

в языке Интернета и в детской речи, – и далее, к несуществующим (\**постраивать* <дом>).

3. Способность каждого из глаголов НСВ1 и НСВ2 иметь событийное значение (т. е. заменять глагол СВ в контекстах Маслова, или контекстах обязательной имперфективации, см. [Зализняк, Шмелев 2002]; [Mikaelian, Shmelev, Zalizniak 2007 (в печати)]). Этот параметр также градуальный: с одной стороны, семантический сдвиг в глаголе НСВ1 по сравнению с СВ может быть столь незначительным, что говорящий может им пренебречь и использовать в контексте Маслова данный НСВ1 в качестве субститута для СВ, вместо более «точного» НСВ2 (ср. *может* <масло на хлеб> вместо *намазывает*). С другой стороны, глагол может иметь событийное значение лишь в какой-то ограниченной сфере – например, профессионального жаргона, ср. *рвать мосты* вместо *взрывать*; *крепить балку* вместо *прикреплять* и т. п.

Тройки, в которых оба глагола несом. вида имеют событийное значение, мы будем называть тройками «в сильном смысле» (*читать – прочитать – прочитывать*); тройки, в которых глагол НСВ1 сам по себе не имеет событийного значения, но может его приобретать в «жестком» контексте, и тем самым вступает в отношении квазисинонимии с НСВ2 (*пить – выпить – выпивать*, ср. *выпивает / пьет три ста-*

*кана молока каждый день*) мы будем называть тройками «в слабом смысле».

Кроме того, существенной характеристикой видовых троек является наличие / отсутствие у глагола НСВ2 процессного значения. Существует мнение, что нормально в тройках НСВ1 имеет лишь процессное значение, а НСВ2 – лишь событийное. Однако, как показала Е. В. Петрухина ([Петрухина 2000]), на самом деле среди глаголов НСВ2 очень немного таких (как *съесть, прочитывать*), которые не имеют процессного значения. С другой стороны, глагол НСВ1 практически всегда имеет контекстно обусловленное событийное значение (ср. выше).

Различие глаголов по первым двум из перечисленных выше признаков могут быть представлены в виде таблицы, которая позволяет выявить отношение видовых троек к видовым парам. В таблице для каждого глагола предусмотрено три позиции (НСВ1, СВ, НСВ2). Верхняя строка соответствует суффиксальным видовым парам (это случаи с отсутствующим НСВ1, т. е. незаполненной первой клеткой), последняя – префиксальные видовые пары с отсутствующим НСВ2 (с незаполненной последней клеткой); в пространстве между ними (условно разделенном на три части, соответствующие периферии, ядру и снова периферии) расположены разные типы видовых троек.

	НСВ1	СВ	НСВ2
суффиксальные пары с исключенным НСВ1 (с богатой приставкой)	—	<i>переписать</i>	<i>переписывать</i>
тройки со «средней» приставкой (значение которой не дублирует сему глагола, но восстанавливается из семантики объекта)	[ <i>лезть</i> (на дерево)] [ <i>рвать</i> (зуб)] [ <i>капать</i> (в нос)]	<i>залезть</i> <i>вырвать</i> <i>закапать</i>	<i>залезать</i> <i>вырывать</i> <i>закапывать</i>
«классические» тройки – с бедной приставкой, дублирующей некоторую сему глагола	<i>делить</i> <i>есть</i> <i>читать</i>	<i>разделить</i> <i>съесть</i> <i>прочитать</i>	<i>разделять</i> <i>съедать</i> <i>прочитывать</i>
префиксальные пары с потенциальным НСВ2	<i>рисовать</i> <i>делать</i>	<i>нарисовать</i> <i>сделать</i>	[? <i>нарисовывать</i> ] [? <i>сделывать</i> ] –
префиксальные пары с исключенным НСВ2	<i>строить</i>	<i>построить</i>	—

## Элементарные единицы в устном русском дискурсе и их когнитивные основания\*

А. А. Кибрик

Институт языкознания РАН, Москва  
kibrik@iling-ran.ru

В. И. Подлеская

Российский государственный гуманитарный университет, Москва  
podlesskaya@ocrus.ru

Данное исследование основано на корпусе устных русских рассказов, над созданием которого авторы работают вместе с рядом коллег (см. [Кибрик и Подлеская 2003]). Наши наблюдения касаются, таким образом, монологического дискурса и жанра личного рассказа.

Порождение устной речи (дискурса) говорящим не является абсолютно континуальным процессом, речь всегда имеет определенную структуру, состоит из сегментов (просодических единиц, интонационных групп, синтагм). Термин, которым пользуемся мы – **элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ)**. ЭДЕ могут быть охарактеризованы одновременно с нескольких точек зрения:

- физиологически – произносятся на одном выдохе;
- когнитивно – вербализуют один «фокус сознания», в терминах У. Чейфа [Chafe 1994];
- семантически – описывают одно событие или состояние;
- синтаксически – представляют собой одну предикацию (клаузу);
- просодически – организованы как один произносительный контур с точки зрения движения тона (частота), наличия одного главного акцентного центра (интенсивность), темпа (ускорение – замедление) и громкости.

В **канонических** случаях (от 2/3 до 3/4 всех случаев) выделение квантов дискурса достаточно очевидно, поскольку демонстрирует координацию между различными аспектами выделения ЭДЕ. Трудность представляют случаи, когда координация между этими аспектами нарушается – в частности, просодическая и синтаксическая границы не совпадают. В докладе рассматриваются именно эти случаи несогласования между синтаксическим и просодическим аспектами.

Первый большой класс неканонических ЭДЕ – это **малые** ЭДЕ, которые выделяются на основе просодического критерия, но по синтаксическому объему меньше одной клаузы. Малые ЭДЕ в корпусе составляют от 1/5 до 1/4 всех ЭДЕ и представляют собой исключение, подтверждающее правило: говорящий стремится организовать базовую когнитивную единицу в виде (а) клаузы и (б) просодической единицы, но иногда ему это удается не за один шаг, а за два или более шагов. Когнитивные причины таких «неудач» обычно ясны и подлежат осмысленной классификации. Малые ЭДЕ всегда сопутствуют каноническим ЭДЕ, вместе с которыми образуют одну клаузу. При этом они либо предшествуют основной части клаузы, либо следуют за ней.

\* Данное исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 06-06-80470а.

Самый частый вид **проспективных** малых ЭДЕ – *фальстарты*, т. е. неудачные попытки построить клаузу:

- (1) ... (0.7) А / \я-а ==  
 А у меня б = ==  
 А было открыто \окно.

В некоторых языках распространены так называемые предваряющие *топики* – именные группы, которые задают референциальную рамку клаузы, но не входящие в число участников клаузы как таковой. Встречаются такие случаи и в русском языке:

- (2) .. (0.3) / Зайчик вод.  
 ... (0.5) он был в \лесу.

**Ретроспективные** малые ЭДЕ – это тоже, как правило, именные группы, но дополняющие апостериори уже сформированную клаузу и просодически представляющие собой особую единицу. Наиболее распространенный тип таких ЭДЕ – это случаи *эха*, т. е. дублирования какой-то из составляющих клаузы аналогом, представляющим собой уточнение этой составляющей, ср.:

- (3) .. (0.3) А я потом / прыгнул туда,  
 .. (0.3) за ши = || \ну за \шиповник,

Почти столь же часто встречаются случаи *приращения* дополнительного элемента к уже сформированной клаузе – когда говорящий добавляет в нее еще какой-то смысловой компонент, например, цель:

- (4) .. (0.4) и мн = || и / мне нужно было / зайти значит в \номер ⊙.  
 мм (0.4) ⊙ Для а \чего-то.

Внешне на случаи ретроспективного расширения похожи случаи *парцелляции*, когда говорящий отделяет в особую

ЭДЕ некоторый смысловой компонент клаузы, т. к. в противном случае в ЭДЕ оказалось бы больше новой информации, чем можно «переварить» за один шаг:

- (5) / Мне / приснилось,  
 что / я / ехала на \поезде.  
 В котором / была ... (0.6) зеленая \-поля-ана,  
 с-с / гриба-ами и .. (0.2) \пнями всякими.

Второй основной класс неканонических ЭДЕ – это **большие** ЭДЕ. Они просодически едины, но включают более одной клаузы. В докладе будут рассмотрены основные типы больших ЭДЕ, возникающих в связи с явлениями *сериализации, редупликации, цитации* и т. д. В целом, можно сказать, что при взгляде на русский язык через призму устного дискурса оказывается, что в этом языке представлены многие явления, обычно приписываемые лишь «экзотическим» языкам – топик, антитопик (= эхо / приращение), сериальные конструкции, цитационные и эпистемические маркеры и т. д. И наоборот, явления, которым посвящено основное внимание грамматистов, не встречаются вовсе или представлены лишь в зачаточном виде. Мы надеемся, что подобный дисбаланс в будущем будет уменьшен и приоритеты грамматики будут в большей степени соответствовать центральности и частоте явлений, наблюдаемых в устном русском дискурсе.

Как канонические ЭДЕ, так и отклонения от канонической модели имеют конкретные когнитивные основания, которые будут проанализированы в докладе. Так, многие явления, наблюдаемые в структуре ЭДЕ (ускорение вначале и замедление в конце, наличие информационно центра в конце, фальстарты и самоисправления, хезитации и мн. др.) имеют прямые аналоги в более базовых областях когнитивной деятельности – в частности, в движении животных.

## Проявление когнитивной сопряженности в фактах русского языка\*

А. Е. Кибрик

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

*Когнитивная структура, когнитивные единицы, атрибутивные синтагмы, порядок слов*

**Summary.** Elements of the cognitive structure are interconnected. These connections can be more or less tight, and it makes sense to distinguish between different distances between cognitive units. An immediate connection between cognitive units is called in this paper cognitive conjugacy; it is reflected in many parts of the linguistic system. This approach will be illustrated by examples of the syntax of Russian attributive syntagms and Russian word order.

В рамках когнитивно ориентированной лингвистики языковые структуры мыслятся как не автономные самостоятельные сущности, а как манифестация когнитивных структур, организующих мыслительную (когнитивную) деятельность. Однако успешному продвижению в понимании устройства когнитивной структуры препятствует то, что она недоступна непосредственному наблюдению. Тем не менее, при всей размытости и нечеткости современных представлений о когнитивной структуре, можно сформулировать несколько очевидных аксиом, таких как:

1) единицы когнитивной структуры, как и единицы языковой структуры, связаны между собой, и эти связи могут быть более или менее тесными, то есть можно говорить о когнитивном расстоянии между когнитивными единицами;

2) когнитивная структура, в отличие от языковых структур, не является линейной и не ограничена одно- или двухмерным пространством.

Если принять первую аксиому, то существенно выделять в особый класс ближайшие, непосредственные связи, поскольку опосредованные связи естественно мыслить как цепочки непосредственных когнитивных связей на множестве когнитивных единиц, входящих в когнитивную структуру. Будем называть непосредственную связь между когнитивными единицами *когнитивной сопряженностью*.

Лингвистическим основанием для введения такого понятия служит то обстоятельство, что при рассмотрении самых различных аспектов языка возникает необходимость введения когнитивного понятия, указывающего на повышенную связанность семантических / концептуальных / когнитивных элементов. А это, в свою очередь, значит, что по организации языковой формы можно реконструировать организацию когнитивной структуры.

В докладе предполагается рассмотреть некоторые грамматические области русского языка в перспективе их вклада в понимание организации когнитивной сопряженности.

Прежде всего это атрибутивная синтагма, связывающая номинции двух концептов типа *ножка стола, лапы волка, стакан молока*. Русский язык обладает большой свободой связывания двух концептов в единую синтаксическую группу, а также ресурсами для их раздельного синтаксического существования (то, что называют конструкцией с внутренним и внешним посессором). Объединение этих двух синтаксических стратегий в единый комплекс может быть объяснено в рамках когнитивного подхода.

Существенный интерес с когнитивной точки зрения представляет феномен ограничений на свободный порядок слов в русском языке, формулируемых в рамках формального свойства проективности. Когнитивная интерпретация позволяет объяснить различные отклонения от принципа проективности.

\* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 05-06-80288а.

# Означающее дискурсивных слов русского языка как объект когнитивно ориентированного описания: проблема метаязыка

И. М. Кобозева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова  
kobozeva@philol.msu.ru

Л. М. Захаров

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова  
leon@philol.msu.ru

*Когнитивный подход, дискурсивные слова, просодическая вариативность, метаязык*

**Summary.** The problem of inadequate treatment of prosodic properties in diverse descriptions of Russian discourse markers is discussed with reference to the goal of cognitive interpretation of these markers; a meta-language for representing such properties is proposed based on the study of available representational systems for Russian prosody and on the authors' own experience of multidimensional description of Russian discourse markers.

Дискурсивные слова (ДС) русского языка уже достаточно давно исследуются и описываются с различных теоретических позиций. Результаты их описания в рамках традиционной грамматики и лексикографии отражены в грамматиках и толковых словарях русского языка (общих и специализированных), дающих неполное и неточное представление об их функционировании. Известны опыты описания тех или иных ДС или их групп с позиций теории моделей «Смысл – Текст» (см. работы И. М. Богуславского, И. Б. Левонтиной), лингвистической прагматики (см. работы Е. Г. Борисовой, А. Н. Баранова, И. М. Кобозевой, Р. Ратмайр), теории контекстно-семантического описания (см. [4]). Общим для этих опытов было унаследованное от традиционной лингвистики недостаточное внимание к означающему ДС. Вместе с тем в ряде работ было показано, что просодическое, и шире – фонетическое варьирование русских ДС коррелирует с их семантическим варьированием (см. [2], [1], [9]). Сравнительно недавно началось исследование русских ДС в рамках когнитивного подхода, суть которого применительно к данному материалу состоит в стремлении описать и объяснить их функционирование, увязав его с состояниями и процессами, локализованными в сознании говорящего (см. первопродческие работы П. Б. Паршина 80-х годов, публикации Ю. В. Дараган – [3], [4] – и И. А. Шаронова). Однако и в когнитивно ориентированных исследованиях при анализе языкового материала фонетические характеристики ДС привлекаются спорадически и представляются в такой форме, которая не позволяет ни соотнести описания между собой, ни проинтерпретировать их в терминах значений наблюдаемых акустических параметров. Указанная ситуация объясняется отсутствием общепринятого метаязыка, который включал бы средства, необходимые и достаточные для фиксации всех просодических и фонационных различий, которые оказываются релевантными для семантической интерпретации ДС (в рамках когнитивного подхода – отражают нетождественные когнитивные состояния и процессы).

К необходимости разработки такого метаязыка мы пришли независимо, в связи с задачей создания мультимедийного словаря ДС русского языка, концепция которого обсуждается в [8] и [10]. Построение такого метаязыка стало целью отдельного исследовательского проекта «Разработка метаязыка для описания означающего дискурсивных слов русского языка», осуществлявшегося в 2005 и 2006 гг. при поддержке РГНФ (научный проект № 05-04-04312а). В ходе работы над проектом были решены следующие задачи:

1) обобщены те фрагментарные и разрозненные сведения о форме русских ДС, которые приводятся в специальной литературе, грамматиках и словарях (варианты написания, пунктуация, наличие / отсутствие словесного ударения, отношение к фразовому ударению, паралингвистическое сопровождение), см. [6];

2) обнаружены расхождения в описании фонетической формы некоторых ДС и проведена проверка соответствующих описаний с использованием компьютерной программы анализа звучащей речи Speech Analyzer (результаты, полученные для ДС вообще обсуждаются в [7]);

3) собран массив устных высказываний с ДС, в который вошли как высказывания, прочитанные профессиональными и непрофессиональными дикторами, так и образцы спонтанной речи;

4) на собранном материале выявлены случаи, когда какой-либо лексико-семантический вариант ДС имеет регулярные отличия в означающем от других его вариантов (лексико-семантическими вариантами одного и того же ДС считаются все слова, имеющие одну и ту же каноническую графическую форму);

5) проанализированы обнаруженные таким способом случаи значимого варьирования означающего ДС с целью выявления инвентаря просодических и фонационных параметров, способных выполнять на множестве ДС смыслообразительную функцию;

6) применяющиеся в русистике метаязыковые средства описания просодии (система ИК Е. А. Брызгуновой, система интонационных параметров С. В. Кодзасова и нек. др.) рассмотрены в аспекте их способности адекватно отразить семантически релевантное просодическое варьирование ДС;

7) на этой базе разработана система терминов и нотации для многомерного параметрического описания означающего ДС.

В докладе эта система будет представлена и проиллюстрирована описаниями означающих некоторых первообразных русских ДС.

## Литература

1. Апресян Ю. Д. Типы лексикографической информации об означающем лексеме // Типология и грамматика. М., 1990.
2. Баранов А. Н., Кобозева И. М. Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
3. Дараган Ю. В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Труды международного семинара «Диалог'2000 по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям. Том 1. Протвино, 2000.
4. Дараган Ю. В. Риторическая структура текста и маркеры порождения речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международного семинара «Диалог'2002. Том 1. М., 2002.
5. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания // Под ред. К. Киселёвой и Д. Пайара. М., 1998.
6. Кобозева И. М. Описание означаемого дискурсивных слов в слове: нереализованные возможности // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2006. №2.
7. Кобозева И. М. Учет акцентно-просодического варьирования дискурсивных слов как средство уточнения их семантической структуры // Труды Казанской школы-семинара по компьютерной и когнитивной лингвистике. Казань, 2006.
8. Кобозева И. М., Захаров Л. М. Мультимедийный словарь дискурсивных слов русского языка: проблемы и решения // Труды Международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность». Москва: МГУ, 2004.
9. Кодзасов С. В. Семантико-фонетическое расщепление русских частей и просодическая информация в слове // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.
10. Kobozeva I. M., Zakharov L. M. Types of information for the multimedia dictionary of Russian discourse markers // Proceedings of the 9<sup>th</sup> International Conference «Speech and Computer» 2004 (SPECOM 2004). St. Petersburg, 2004.

## Информационная система «Интонация русского диалога»

С. В. Кодзасов, А. В. Архипов, А. А. Бонч-Осмоловская,  
Л. М. Захаров, И. М. Кобозева, О. Ф. Кривнова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова  
sankod@philol.msu.ru, leon@philol.msu.ru, kobozeva@philol.msu.ru, okri@philol.msu.ru

*Интонация, просодия, диалог, иллокутивный акт*

**Summary.** This paper is a progress report on the database “Intonation in Russian dialog”. This database relies on the existing classifications of illocutionary acts found in dialogic communication. A corpus of dialogic utterances was recorded in lab conditions. Each utterance is described by several dozen classificatory parameters.

Роль интонации в диалогическом дискурсе огромна, но до сих пор нет информационных источников, которые давали бы систематизированное представление информации о соотношении просодических и семантико-прагматических характеристик высказывания в диалоге. В докладе освещается опыт работы по созданию БД «Интонация русского диалога» с применением когнитивно-дискурсивных методов анализа функций интонации и современных средств ее фонетического анализа. Рабочая группа состояла из сотрудников филологического факультета МГУ. Проект был поддержан грантом РГНФ № 04-04-12027в «Создание информационной системы “Интонация русского диалога”».

Современная лингвистика, как теоретическая, так и прикладная, характеризуется стремительным нарастанием интереса к проблемам диалогического взаимодействия самых разных форм и жанров (бытовой диалог, ток-шоу и т. д.). Огромную роль в диалогическом взаимодействии играет интонация. Современные исследования в области интонации характеризуются переносом фокуса внимания на информационные и дискурсивные аспекты ее семантики и на соответствующие просодические средства (Пьерхумберт, Селькирк, Бекман в США, Стедман в Великобритании). Исследуются не только тональные конфигурации, отражающие модально-иллокутивные характеристики высказываний, но также акцентная, фонационная и тембровая структура и их семантические и дискурсивные функции. В отечественной интонологии комплексный анализ интонации пока не получил должного развития. Применение такого подхода для анализа русского материала представляется актуальным и продуктивным. Однако до сих пор не существует отечественных баз данных по интонации, отвечающих современным стандартам. Поэтому создание электронной информационной системы, учитывающей результаты новейших работ в этой области, являлось насущной задачей.

Работа по проекту осуществлялась в три этапа: в 2004 г. был создан модуль базы данных по вопросительным высказываниям, в 2005 г. – по побуждениям, и в 2006 г. – по сообщениям.

При составлении массива высказываний авторы опирались прежде всего на имеющиеся в литературе классификации соответствующих типов высказываний: Академические грамматики русского языка; книги В. С. Храковского и А. П. Володина, объемное описание М. Г. Беззевой (для побуждений); работы П. Рестана, И. М. Кобозевой, Н. И. Голубевой-Монаткиной (для вопросов); Н. Д. Арутюновой и

др. (для сообщений). Кроме того, расширению этой типологии способствовал анализ материалов устной диалогической речи в средствах массовой информации.

Полученная типология высказываний носит комплексный характер: она опирается как на их иллокутивно-модальные характеристики, так и на коммуникативную и лексико-синтаксическую структуру. Следует отметить трудность построения исчерпывающей классификации высказываний, особенно в случае сообщений. Это связано с разнообразием комбинаций их иллокутивно-модальных и логико-коммуникативных характеристик: при наличии нескольких десятков параметров количество потенциальных комбинаций в предположении чрезвычайно велико. В базу данных было введено около 1000 единиц, покрывающих все основные разновидности диалогических реплик (иницирующих и реактивных).

Отобранный массив реплик был прочитан и записан в студийных условиях участниками проекта; все они – жители Москвы, носители литературной нормы. Звуковые файлы были подвергнуты детальному интонационному анализу, в ходе которого каждому файлу была сопоставлена просодическая дескрипция. При этом использовалась предложенная С. В. Кодзасовым система описания интонации, носящая комбинаторный характер и не ориентированная на фиксированный набор интонационных конструкций. В ней разделены акцентные (локальные) и интегральные просодические характеристики: тональный акцент и регистр тона синтагмы, долгота гласного и темп произнесения синтагмы, и т. д. Учитываются все параметры каждой характеристики; так, например, для тона фиксируется направление, регистр, интервал, особая локализация в слове.

Система реализована в виде реляционной базы данных MS Access 2000. Каждая единица базы, соответствующая одной реплике, содержит следующие зоны: а) стандартная орфографическая запись реплики; б) орфографическая запись высказывания с просодической разметкой, позволяющей соотносить акценты и интегральные просодии с компонентами предложения; в) интонационная расшифровка акцентов; г) интонационная расшифровка блоков; д) семантико-грамматическая форма, дающая многопараметрическое описание предложения (иллокутивная разновидность, модус, грамматическая характеристика и др.). Форма снабжена кнопками, которые дают возможность прослушать запись, а также просмотреть график звуковой волны и интонограмму, полученную с помощью приложения Speech Analyzer.

## Субъективная оценка прилагательных русского языка, связанных с разными модальностями восприятия

М. Г. Колбенева<sup>1</sup>, В. Ф. Петренко<sup>2</sup>, Б. Н. Безденежных<sup>1</sup>, Ю. И. Александров<sup>1</sup>

<sup>1</sup>Институт психологии РАН, Москва

<sup>2</sup>Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

*Модальности восприятия, эмоции, прилагательные, категоризация, дифференциация*

**Summary.** The quantity of adjectives presumably related to vision exceeds the quantity of adjectives related to other modalities. It confirms the assertion that behaviour based on visual interaction with environment is the most differentiated. We consider emotions as the characteristic related to the least differentiated systems. We show that adjectives related to less differentiated behaviour (olfaction, taste) are rated as more emotional as compared with adjectives related to more differentiated behaviour (vision, hearing and tactile sense).

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (грант № 05-06-80357), РГНФ (грант № 05-06-06055а), Совета по грантам Президента РФ ведущим научным школам России (грант №НШ-4455.2006.6), а также ГОСКОНТ-РАКТА № 02.445.11.7441 от 09.06.06.

Опираясь на данные о тесной связи между мозговым обеспечением действий и функционированием «языковых» структур, которые семантически связаны с данными действиями [Pulvermüller 2005], можно полагать, что оперирование словами представляет собой оперирование в уме по-

ведением, связанным с данными словами. Также было продемонстрировано, что оперирование словами, обозначающими признаки конкретных объектов, происходит на основе активации модальных репрезентаций соответствующих объектов (см., напр., [Barsalou et al. 2003, 2005]).

В описываемых ниже исследованиях предполагалось, что предъявление человеку прилагательных, связанных с определенной модальностью восприятия, приводит к актуализации в его внутреннем плане поведения, связанного с использованием соответствующего органа чувств.

В предварительных исследованиях [Колбенева и др. 2006] было показано (с использованием группы экспертов), что прилагательные, связанные с какими-либо ощущениями, получаемыми с помощью различных органов чувств, составляют почти половину из общего числа прилагательных (7616 из 15918), представленных в Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой (1999). Однако дальнейшая процедура категоризации (другой группой экспертов) выявила, что только 2243 прилагательных из 7616 на статистически значимом уровне могут быть отнесены к какой-либо одной модальности восприятия (т. е. являются унимодальными прилагательными) и еще 286 прилагательных относятся сразу к нескольким модальностям восприятия (т. е. являются полимодальными). При этом наибольшая часть из унимодальных прилагательных связана со зрением (1800 из 2243). Эти данные совпадают с результатами, полученными на материале других языков [Wilson 1998, 152].

Было также показано, что процесс категоризации протекает по-разному в зависимости от того, по отношению к какой модальности происходит категоризация: отнесение прилагательных к зрению, слуху или тактильной модальности требует больше времени, чем отнесение прилагательных к обонянию или вкусу.

Приведенные выше данные могут быть объяснены на основе представления о разной степени дифференцированности поведения, связанного с использованием различных органов чувств. Показано, что поведение, связанное со вкусом, запахом и тактильной чувствительностью, используется для достижения полезных приспособительных результатов раньше, чем поведение, связанное со слухом и зрением

[Gottlieb 1971], [Lickliter & Bahrick 2000]. Также имеются данные о том, что на ранних этапах развития организм соотносится со средой на низко дифференцированном уровне, а дальнейшее развитие характеризуется увеличением степени дифференцированности отношений организм-среда [Александров 1989], [Чуприкова 1997], [Werner & Kaplan 1956]. Таким образом, поведение, связанное с использованием зрения и слуха, является более дифференцированным, чем поведение, связанное с использованием вкуса, обоняния и тактильной чувствительности. Более дифференцированное поведение представлено в языке большим количеством слов, и принадлежность слов к большому домену опыта, определяется дольше, чем в случае небольшого домена.

Уровень дифференцированности поведения можно соотносить с эмоциональной характеристикой поведения. В единой концепции сознания и эмоций [Александров 1995, 1999, 2005] предполагается, что сознание и эмоции являются характеристиками разных одновременно актуализируемых уровней системной организации поведения, представляющих собой трансформированные этапы развития и соответствующих различным уровням системной дифференциации. При этом эмоции характеризуют реализацию систем, формирующихся на самых ранних этапах онтогенеза и обеспечивающих минимальный уровень дифференциации.

Было показано [Колбенева 2006], что прилагательные, связанные со зрением, и прилагательные, связанные со слухом, оцениваются как вызывающие менее интенсивные эмоции, чем прилагательные, связанные со вкусом, и прилагательные, связанные с запахом. При этом вне зависимости от модальности оценивание «более эмоциональных» прилагательных происходит быстрее, чем оценивание «менее эмоциональных».

Однако поведение, связанное с тактильной модальностью, оценивалось, вопреки ожиданиям, как вызывающее наименее интенсивные эмоции, по сравнению с поведением, связанным с другими модальностями. Это может объясняться тесной связью тактильной модальности со зрением ([Mead 1907] и мн. др.), обуславливающей постоянный рост на протяжении индивидуального развития дифференциации поведения, основанного на тактильной чувствительности.

## Русские прилагательные: формы, конструкции, семантика\*

Г. И. Кустова

Московский педагогический государственный университет

*Прилагательное, семантика, конструкции, валентности*

**Summary.** The principal thesis of this paper is the following: the main opposition of Russian adjectives is not «the short form of the adjective vs. the full form of the adjective», but «predicative function vs. attributive function».

Анализ синтаксических и семантических особенностей краткой формы русских качественных прилагательных и ее отличий от полной имеет давнюю традицию как в отечественном языкознании, так и в зарубежной славистике и русистике. Несмотря на разницу научных языков и подходов, большинство исследователей, по-видимому, сходятся в том, что специфика краткой формы – в ее «глагольных», предикатных признаках (наличие глагола-связки; управляемые падежные формы), которые диктуют ее употребление исключительно в позиции сказуемого (если не считать реликтовых употреблений вроде *на босу ногу*), тогда как для полной формы наиболее характерна позиция определения.

Чистота этого противопоставления нарушается тем, что в позиции сказуемого могут употребляться обе формы – как краткая, так и полная (*Воздух чист и свеж – Воздух чистый и свежий*). Различия между ними, вслед за В. В. Виноградовым, определяются как «признак, мыслимый вне времени, но в данном контексте отнесенный к определенному времени» (полн. ф.) vs. «качественное состояние, протекающее или возникающее во времени» (кратк. ф.), ср. распространенный пример из драматик: *Он болен (сейчас) – Он больной* (вообще). При этом обычно отмечается, что для многих случаев смысл этого противопоставления не вполне ясен, и тогда приходится прибегать к стилистическим разграничениям (например, А. М. Пешковский считал, что краткая

форма более книжная). Впрочем, далеко не у всех качественных прилагательных это противопоставление полной и краткой формы можно реализовать: есть случаи, когда в предикативной позиции не допускается полная форма (*Я благодарен вам – \*Я благодарный вам*); бывает, что, наоборот, затруднена краткая форма (*Стены зелены*); у некоторых прилагательных в предикативной позиции значение модифицируется (*Юбка узка*); наконец, в атрибутивной и предикативной позиции могут реализовываться совершенно разные значения (*готовая одежда – Костюм готов*).

Вообще, при попытке описать специфику краткой формы именно как специфику формы смешиваются две разные линии анализа: формальная (какая форма в какой позиции употребляется) и функционально-семантическая (какую функцию, какое значение реализуют разные формы в разных позициях).

В данном докладе различия в поведении качественных прилагательных (в том числе и выбор форм) рассматриваются не в терминах формы, а в терминах функции и позиции, при этом решающей является функция.

Прототипической для прилагательного как обозначения непроецессуального признака является полная форма и **атрибутивная функция** (и, соответственно, атрибутивная позиция, конструкция). Атрибутивная конструкция (*Надела зеленое платье; Выпей горячего чаю*) является своего рода

\* Исследование проводится при поддержке РГНФ, проект № 05-04-04008а.



сложной номинацией, а качественные прилагательные в таком употреблении сближаются с относительными (*Надела шелковое платье; Выпей липового чая*). Дальше качественные прилагательные могут продвигаться в двух направлениях – в направлении «номинативном», в сторону относительного значения и образования в той или иной степени устойчивых (лексически ограниченных или фразеологизованных) сочетаний с существительными (*горячие блюда; горячее копчение; зеленая улица, зеленая молодежь*), либо в направлении «предикативном», приобретая предикатные, глагольные признаки. В чистом виде эта схема, конечно, почти не встречается. Реальные прилагательные и классы прилагательных, поскольку они обозначают разные типы признаков, с самого начала ведут себя по-разному в отношении атрибутивной и предикативной функции.

Например, параметрические прилагательные (обозначения цвета, размера, веса, температуры) можно считать исходно атрибутивными. Когда они попадают в предикативную позицию, соответствующие им признаки не становятся временными. Многие из этих прилагательных вообще не допускают в предикативной позиции краткой формы: *Стена / шляпка / обложка зелена → зеленая* (ср. *Виноград еще зелен* = не созрел; не параметрическое значение). Поэтому у параметрических прилагательных краткая форма (а иногда и полная в предикативной позиции) используется для выражения особого значения недостаточности или избыточности признака («X слишком P, чтобы Q»): *Ботинки ему малы; Стул высок / высокий для ребенка*. Есть прилагательные, которые, наоборот, являются исходно предикативными: *благодарен* (за что), *верен* (кому), *виноват, годен, готов, доволен, занят, знаком, известен, понятен, похож, равен, склонен к, способен на, уверен* и под. Они в атрибутивной функции имеют другое значение (ср.: *способен на все* vs. *способный мальчик; известен своими скандалами* vs. *известный артист; Я уверен, что он уехал vs. уверенная походка*), либо вообще не вызывают атрибутами (ср. *рад, должен*).

Продвижение прилагательного в сторону глагола, т. е. **предикативной функции**, связано не только с возможностью занимать позицию сказуемого. Отметим еще два важных глагольных признака. Во-первых, аспектуальные характеристики. Краткие формы обозначают не просто «временный» признак, противопоставленный «постоянному». Это способ актуализации признака, локализации его на некотором интервале. Например, многие признаки человека (*добрый, внимательный, ласковый, грубый, вежливый* и под.) являются обобщениями каких-то ситуаций и предполагают конкретные проявления: *Он был так добр к нам; внимателен к клиентам; ласков с детьми; зруб / вежлив с покупателями*. Такие употребления прилагательных можно считать аналогом актуально-длительного значения вида (хотя данные формы могут употребляться и обобщенно: *всегда добр / внимателен / вежлив*). Другой аспектуальный аналог предикативного употребления прилагательного – глагольный перфект (иногда возможна даже замена на семантически близкий (в том числе однокоренной) глагол или страдательное причастие, особенно в контексте показателей времени): *Суп готов* (сварился); *Место уже свободно* (освободилось); *Он мертв* (умер). Вторым важнейшим глагольным (предикатным) признаком являются валентности. Они свойственны либо исходно предикативным прилагательным, либо производным предикативным значениям (*близок к; далек от; спокоен за*).

При синтаксически выраженных валентностях полная форма в предикативной позиции, как правило, запрещена (в литературном языке): *Я готов помочь – \*Я готовый помочь* (полная форма в позиции сказуемого может быть запрещена и в изолированном употреблении: *Я готов (= собрался) – \*Я готовый; Моя совесть чиста – \*Моя совесть чистая*).

Предикативность не связана исключительно с краткой формой, просто нечленная форма является в современном русском языке «предикативно специализированной», поскольку всегда служит сказуемым. Вообще же, если не считать тех случаев, когда краткая форма является единственно возможной (ср. *здоров ты выпить; хороша помощь; не силен в математике; этот готов = 'мертв'*), предикативная функция прилагательного может реализовываться и в полной форме. Имеется в виду, конечно, не «атрибутивная» полная форма, а, например, полная форма в составе адъективного оборота (как постпозитивного, так и препозитивного). Такую полную форму можно считать позиционным вариантом краткой, которая остается основной. При этом оборот может быть образован не только настоящими («глагольными») валентностями прилагательного (*видный кому; способный на что*), но и любыми другими зависимыми словами, например – наречиями или частицами: *\*видный холм – отовсюду видный холм*. Существенно, что оборот – это потенциальная (дополнительная) предикация, т. е. в нем реализуется предикативная функция прилагательного. Таким образом, разграничительная черта проходит не между полной и краткой формой, а между атрибутивной и предикативной функцией, причем последняя реализуется как краткими, так и полными формами прилагательных.

Если посмотреть на проблему с когнитивной точки зрения, т. е. с точки зрения того, какими моделями интерпретации внеязыковой реальности и какими механизмами языковой упаковки информации располагает человек, можно сказать, что в сфере «функциональной специализации» прилагательных и связанного с этой специализацией распределения (выбора) кратких и полных форм мы имеем дело по крайней мере с двумя разными (хотя и, безусловно, связанными) процессами.

С одной стороны, существуют определенные представления о классах «предметов» (существительных), о «разрешенных» (в данной языковой картине мира) признаках, которые им можно приписать, а также о ситуативных и текстовых условиях, в которых это можно сделать. Этим определяется возможность употребления прилагательного в той или другой функции – и, соответственно, выбор формы.

С другой стороны, происходит внутреннее развитие языка (которое, в свою очередь, стимулируется созданием новых классификаций и обнаружением новых связей во внеязыковой реальности); применительно к нашему материалу: с прилагательными, выступающими в разных функциях и конструкциях, происходят семантические изменения (что отражается в словарях в виде отдельных значений). При этом атрибутивная конструкция – это ступень к фразеологизации, которая является «тупиковой ветвью эволюции» (остановкой семантического развития), а предикативная (в широком смысле) конструкция – это, наоборот, своего рода «лаборатория» (или «кузница») новых значений (показательно, что многие производные, особенно метафорические, значения тяготеют именно к предикативной позиции и реализуются прежде всего в краткой форме).

## Топология в классификации русских предметных имен

О. Н. Ляшевская, Е. В. Рахилина

ВИНИТИ РАН, Москва

*Лексическая классификация, пространственная категоризация, топологические типы, композиционность*

**Summary.** Names of physical objects associated to specific topological types ('horizontal spaces', 'containers', 'ropes', etc.) occur to be sensible to space operators, such as adjectives of form and size, prepositions, verbs and nouns which refer to form, location, and motion. In order to structure and explain the lexical constraints of space operators, the comprehensive topological classification is developed, along with the principles of its adaptation to different co-occurrence tasks.

### 1. Топологические ограничения и топологические типы

Понятие топологических ограничений (topological constraints) было введено в лингвистический обиход Л. Талми (1983) для объяснения «чувствительности» пространственных предлогов к тем или иным геометрическим параметрам обо-

значаемых ориентиров. Так, английский предлог *throughout* описывает нахождение фигуры в объемном (трехмерном) пространстве (*cherries throughout the jelly* 'вишни по всему желе'), предлог *over* – расположение относительно плоскости (двумерного пространства: *droplets of oil all over the ta-*

ble 'капельки масла по всему столу'), предлог *along* – расположение вдоль линии (одномерного пространства: *droplets of oil all along the ledge* 'капельки масла по краю') и, наконец, предлог *near* – расположение относительно объекта, который можно представить как точку (*The bike stood near the house* 'велосипед стоял у дома'; примеры из [Talmu 2000, 2006]). Согласно Талми, при разных способах членения пространства могут игнорироваться, или нейтрализоваться, некоторые «объективные» (евклидовы) геометрические характеристики предмета, такие как объем или контуры (ср. *ползти по стволу* = по линии; *стоять у дома*). Воспринимаемый объект при этом схематизируется в виде упрощенного гештальта (топологического типа или зрительной схемы), такого как безграничная горизонтальная поверхность (ср. *поле, город, океан* и др.) или вертикальная преграда (ср. *забор, стена, порог*).

## 2. К постановке задачи

Методологическая проблема состоит, однако, в том, что лингвисты, апеллируя к абстрактной базе знаний о пространственном устройстве физических объектов, до сих пор не имеют в своем распоряжении ни сколь-нибудь полного инвентаря топологических типов, выявленных на всем универсуме пространственных конструкций, ни подробной классификации, соотносящей предметные имена с этими топологическими типами.

Задача настоящего доклада состоит в том, чтобы обсудить опыт построения топологической классификации русских предметных имен, разрабатываемой в рамках проекта семантической разметки Национального корпуса русского языка, и обозначить те принципы ее организации, которые позволяют учитывать индивидуальную избирательность пространственной лексики.

## 3. Основные особенности организации топологической классификации в НКРЯ

В настоящее время топологическая классификация предметных имен насчитывает около 20 классов, среди которых «вместилища», «горизонтальные поверхности», «вертикальные поверхности», «выступы», «веревки», «стержни», «вертикально ориентированные стержни», «отверстия» и др. При соотношении предметного имени с тем или иным топологическим классом тестируется его сочетаемость а) с прилагательными формы и размера (*круглые фары, выпуклый лоб, высокий столб, толстый слой*) и т. п.; б) с пространственными предложениями (*дом через дорогу, идти вдоль берега*); в) с глаголами (изменения) формы (*доска горбилась, дорога вилась среди холмов*), местонахождения и перемещения (*лампа висит, столб стоит, положить / поставить книгу*) и т. п.; б) с существительными, обозначающими эталон формы [Кобозева 2000] или части характерной формы в конструкциях различного вида (*лента шоссе, языки пламени; сапоги гармошкой, дорога шла зигзагами; сапоги в гармошку, ковер скатался в трубочку*) и др.

Топологическая классификация независима от основной, родо-видовой классификации лексики. Например, в тополо-

гический класс «горизонтальных поверхностей» попадают и представители класса «мебель» (ср. *стол: карандаш на столе*), и имена «водоемов» (ср. *пруд: утки на пруду*), и наоборот, имена онтологического класса «сооружений» распределены между топологическими классами «вместилищ» (*дом, изба* и т. д.), «вертикально ориентированных стержней» (*колонна*), «поверхностей» (*лестница, эстакада*) и нек. др. Вместе с тем, некоторые классы на пересечении онтологии и топологии обнаруживают способность к стандартной рекатегоризации, например, имена «водоемов» (*море*) переходят из класса «вместилищ» в класс «горизонтальных поверхностей» под влиянием сильных пространственных операторов типа предлога *на* (*на море ветер*).

Пространственные операторы делятся на однозначные и неоднозначные. Примером первого класса являются операторы *линия, полоса, лента*, которые приписывают форму неоформленным объектам (веществам, неограниченным поверхностям, множествам, ср. *полоса света / земли / воды / ровная линия зубов*) и в то же время используются для констатации (подчеркивания) формы ограниченных объектов согласуемого топологического типа (ср. *линия / полоса / лента дороги / шоссе / реки*, класс «полосы»). В отличие от них, прилагательные типа *круглый*, описывающие отклонение формы от определенного стандарта, сочетаются с разными топологическими типами имен и в зависимости от типа получают разную пространственную интерпретацию, ср. *круглое бревно* (класс «стержни», имеет форму цилиндра), *круглая беговая дорожка* (класс «полосы», имеет форму кольца), *круглые щеки* (класс «выступов»), имеют форму, выпуклую с одной стороны; см. [Рахилина 2000]).

При схожем наборе релевантных топологических типов пространственные операторы могут по-разному проводить границу между ними. Например, прилагательное *выпуклый* сочетается с именами «пластин» (*стекла, линзы*), обозначая изогнутую поверхность, и с именами «выступов» (*лоб, живот*), обозначая форму, изогнутую больше нормы. Прилагательное *круглый* в сочетании с именами «выступов» обозначает тот же самый вид формы (*круглый лоб*), что неверно для сочетаний с именами «пластин» (*круглые линзы, стекла*).

Нестандартности в пространственной интерпретации имен одного топологического класса могут быть связаны с функцией обозначаемых объектов [Carlson & van der Zee 2004], а именно, пространственные операторы могут характеризовать форму не всего объекта, а форму выделенной функциональной части, ср. *горбатый рубанок* (рубанок с закругленной нижней частью), *плоское пресс-папье / плоские клещи, круглое дуло* (дуло с круглым входом).

Все вышеприведенные примеры демонстрируют высокую лабильность топологических типов в применении к разным пространственным задачам. Разработка принципов аккомодации классов, наряду с созданием самого инвентаря, является неотъемлемой частью построения топологической классификации предметных имен.

## «Когнитивные» идеи в теоретической семантике

Е. В. Падучева

ВИНИТИ РАН, Москва

*Семантика, концептуализация, онтология, значение*

**Summary.** A number of principal ideas of modern theoretical semantics originally emerged within the cognitive approach. The purpose of this paper is to emphasize these ideas. The first of them is the idea of conceptualization: formation of meaning as a result of a special cognitive operation performed on the external reality. Other important ideas are the ideas of ontology and the dynamic character of linguistic meaning.

Целый ряд принципиально важных идей современной теоретической семантики возник в рамках лингвистики когнитивного направления. Значимость этих идей стоит подчеркнуть.

1. **Идея концептуализации.** Лингвистическая семантика до последнего времени оставалась в рамках соотношения между формой и смыслом языковых выражений. Третья вершина треугольника Фреге, денотат, т. е. внеязыковая реальность, оставалась вне поля зрения. Теория референции, которая бурно расцвела в 80-е годы прошлого века, была первой ласточкой в плане соотношения между языком и действительностью. Однако теория референции опиралась в основ-

ном на эндофорические отношения в тексте – на повторы и анафору. Последняя позднее пополнилась понятием тождества упоминаемых объектов – кореферентности, но от кореферентности до референции было еще далеко.

Теория референции дала мощный толчок развитию семантики местоимений, но не более того. Для основной массы слов их семантика продолжала оставаться собственно языковым смыслом: способом предоставления смысла оставалась эксплицитная перефразировка. Идея о том, что смысл есть посредник при соотношении языкового выражения с действительностью, что смысл есть результат концептуализации действительности и, главное, что эта концептуализация

может быть различной, является принципиально новой для современной теоретической семантики: как пишет Ю. Д. Апресян, ясно не формулируемое и до конца не осознанное предположение семантики долгое время состояло в том, что языковое значение является непосредственным отражением фактов действительности.

Тезис о том, что смысл есть результат специальной – когнитивной – операции, концептуализации (т. е. осмысления), и что концепты одного и того же фрагмента действительности могут быть различны, имел несколько нетривиальных следствий, порождающих новые перспективы изучения языка. Одно из обнаружений на этом пути – колоссальная роль восприятия в языковых концептах действительности, в частности, наличие фигуры наблюдателя в семантике слов и грамматических категорий. Другое направление связано с ролью языковой модели мира в выборе концептуализации (взять хотя бы неопределенность как доминанту русской модели). Третье – сдвиг фокуса внимания как главный источник различия в концептуализациях. И это далеко не все.

## Тест по определению объема рабочей памяти: апробация на русском материале

Е. В. Печенкова, О. В. Фёдорова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

*Когнитивная психология, объем рабочей памяти, психолингвистика, русский язык*

**Summary.** Daneman and Carpenter (1980) developed the reading span test, which they interpreted as providing a measure of an individual's WM capacity. The subject reads a series of sentences being required to recall the last word of each sentence at the end of the presentation. Span is calculated as the maximum number of sentences allowing correct performance for a particular subject. Most studies of individual differences in WM span provide data on English speakers. The main goal of this paper is to provide and describe the Russian version of this test.

Процедура экспериментального исследования человеческой памяти в лаборатории не претерпела особых изменений за сто с лишним лет, прошедших со времени первых научных опытов такого рода, проведенных Г. Эббингаузом. В ходе большинства экспериментов испытуемые по-прежнему имеют дело со списками бессмысленных слогов, отдельных слова или цифр, которые они должны сперва запомнить, а впоследствии воспроизвести или узнать. Результаты таких экспериментов неоднократно показывали, что взрослый испытуемый, однократно прослушавший подобный список и не использующий специальных средств запоминания, в среднем без ошибок воспроизводит семь его элементов.

В рамках теории двойственности памяти, разработанной в когнитивной психологии, и основанной на предположении о существовании двух подсистем – долговременной и кратковременной памяти – число семь становится «магическим», поскольку исследователям удалось показать, что объем кратковременной памяти равен семи плюс минус двум структурным единицам запоминаемого материала (Miller 1956). В современных работах кратковременная память человека рассматривается с точки зрения ее функции – как рабочая, или оперативная память (РП), а в качестве более реалистичной оценки ее объема приводится число четыре (Cowan 2001).

РП рассматривается как сложная структура. Приведем краткое описание модели РП, разрабатываемой группой А. Бэддели (Baddeley & Hitch 1974; Baddeley, 2001). Данная модель состоит из четырех систем: фонологической петли (ФП), визуально-пространственной матрицы (ВПМ), эпизодического буфера (ЭБ) и центрального исполнителя (ЦИ). ФП подразделяется на подсистему, осуществляющую хранение в течение нескольких секунд следов акустических сигналов, и подсистему, которая отвечает за субвокальное повторение. ВПМ служит для интеграции пространственной, визуальной и, возможно, кинестетической информации. В ЭБ производится синтез информации из ФП и ВПМ, строится репрезентация целостного эпизода и осуществляется связь с долговременной памятью. ЦИ представляется как система с ограниченной емкостью, которая осуществляет контроль за тремя буферами и собственно обработку поступившей в них информации.

Для исследования индивидуальных различий в объеме РП и ее связи с процессами реального чтения была разработана специальная методика (Daneman & Carpenter 1980), при ко-

торой испытуемый запоминает не бессмысленные слоги, а последнее слово каждого прочитанного им предложения. Объем РП определяется авторами как максимальное количество предложений, последнее слово которых испытуемый в состоянии запомнить.

Определение объема РП долгие годы считалось задачей когнитивных психологов, однако в последние десятилетия описанные выше методики очень часто используются и в психолингвистических работах. Еще в пионерской работе Daneman & Carpenter была установлена значимая зависимость между объемом РП и способностью испытуемых выполнять другие лингвистические задания, требующие обращения к РП. За прошедшие двадцать пять лет было проведено немало таких экспериментов, а сама процедура стала общепринятой, однако подавляющее большинство исследований проводится на англоговорящих испытуемых. Настоящее исследование посвящено описанию результатов аналогичных экспериментов на русском материале. С одной стороны, мы покажем, как особенности русского языка влияют на результаты подобных экспериментов. С другой стороны, мы остановимся на универсальных закономерностях устройства РП, не зависящих от конкретного языка.

Начиная с 2001 года нами была разработана и проведена серия подобных экспериментов на русском материале. Стимульный материал, состоящий из 70 предложений средней длины 12-15 слов, не отличался от своего английского аналога, процедура проведения полностью повторяла общепринятую. Однако на большой выборке испытуемых (примерно 800 человек) мы обнаружили следующие различия:

- испытуемый должен был повторять последние слова каждого предложения с точностью до словоформы. В русскоязычном варианте ошибок в словоформе оказалось значительно больше, чем в оригинальном английском варианте;
- средняя длина предложений, измеряемая в словах, в обоих тестах была одинаковой, однако из-за различий в количестве односложных, двусложных, и т. д. слов русские предложения оказывались значительно длиннее по количеству слогов, чем английские;
- эффект методики – восприятие на слух дает более высокие результаты, чем чтение вслух – оказался значительно более сильным для русскоязычных тестов.

Итак, среднестатистический испытуемый русскоязычного варианта теста показал значимо более низкие результаты, чем аналогичный англоязычный испытуемый – около 65%

всех русскоговорящих испытуемых можно отнести к группе с небольшим объемом РП, в то время как среди англоговорящих этот показатель составляет 50%.

Теперь перечислим те **универсальные закономерности**, которые нашли свое подтверждение и на русском материале. Результаты разнообразных экспериментов на русском материале свидетельствуют прежде всего в пользу реальности модели структуры рабочей памяти, предложенной А. Бэддели:

- более короткие последние слова запоминаются лучше, чем более длинные (за счет более успешного проговаривания в ФП);
- затруднение проговаривания (например, путем постоянного повторения некоторого слова) значительно ухудшает результаты эксперимента;
- слова, которые проще связать в ассоциативные ряды с помощью образных средств запоминания – мнемотехник – запоминаются лучше, чем слова, которые мало связаны между собой (за счет работы ВПМ);
- любая другая умственная работа ухудшает результаты (за счет интерференции в ЦИ).

## ИК-4 как показатель контраста

Т. Е. Янко

Институт языкознания РАН, Москва

*ИК-4 по Е. А. Брызгуновой, контраст, инвариант, нарушение нормы, интонация*

**Summary.** I argue that the invariant meaning of the falling-rising intonation pattern (ИК-4 on Bryzgunova's terms, H\*LH% on Pierrehumbert's terms) in Russian is contrast. With contrast the speaker refers: 1) the current sentence to an expectation either uttered or presupposed with which s/he either agrees or disagrees; 2) the emphasized item to a given set of alternatives. In public speech ИК-4 may sound aggressive when it disagrees with the invariant and, thus, displays some violation of linguistic norms.

В докладе предлагается описание инвариантного значения русского акцента ИК-4 по Брызгуновой (знак \ / ). В частности, это позволяет показать, что некоторые употребления ИК-4 в речи деятелей массовой коммуникации кажутся напористыми и претенциозными, потому что не соответствуют инварианту и обнаруживают, тем самым, легкое нарушение нормы, что служит для привлечения внимания аудитории.

I. Наилучшей иллюстрацией ИК-4 служат вопросы с *А?*

(1) *А ваи\ билет?*; *А Вася\?*

В вопросе *А Вася?* в устах, скажем, хозяйки, у которой вся семья, кроме Васи, собралась к обеду, на *Ва-* фиксируется падение (или ровный низкий тон), а на *-ся* – подъем. В примере *А дом?* заударной части нет. Здесь нисходяще-восходящий тон фиксируется на единственном ударном слоге.

II. Другой характерный контекст – серийные вопросы в ситуации выяснения анкетных данных, ср. пример Е. А. Брызгуновой:

(2) *Ваше имя\?* *Возраст\?* *Факультет\?*

III. Наиболее частотный для ИК-4 контекст – это незавершенное повествование, где ИК-4 показывает, что шаг повествования, следующий за текущим, не последний. Ср. рассказ гадалки о технологии гадания на зеркале.

(3) *Значит, зеркало\, чистое новое полотенце\ обязательно, тарелочку\ большую, поднос\ большой, накрывается\...*

Обратимся теперь к примеру ИК-4, который в обыденной речи практически невозможен, ср. рекламный призыв:

(4) *Чтобы в вашем организме отравляющие вещества надолго не задерживались\, запомните названия продуктов-спасателей.*

Менее напыщенный диктор произнес бы это предложение с ИК-3 (знак /):

(4а) *Чтобы в вашем организме отравляющие вещества надолго не задерживались/, запомните названия продуктов-спасателей.*

(Поясним, что ИК-3 характеризуется подъемом на ударном слоге акцентоносителя с резким падением на заударных, если они есть.)

Возникает вопрос, почему пример (4) звучит претенциозно, а (3) – нейтрально. Чтобы ответить на этот вопрос, поставим задачу выявить общее в семантике нейтральных употреблений ИК-4 и покажем, что маркированное употребление (4) выпадает из инварианта.

Таким образом, разработка и проведение тестов по определению объема РП вносит свой вклад в копилку наших знаний об общих механизмах когнитивной деятельности человека, важную часть которой составляет языковая деятельность.

## Литература

1. Baddeley A. Is working memory still working? *American Psychologist*, 56. 2001. P. 849–864.
2. Baddeley A. D. & Hitch G. Working memory // *The Psychology of Learning and Motivation*. / G. A. Bower (ed.). Vol. 8. New York, 1974. P. 47–89.
3. Cowan N. The Magical Number 4 in Short-term Memory: A Reconsideration of Mental Storage Capacity // *Behavioral and Brain Sciences*, 24. 2001.
4. Daneman M. & Carpenter P. Individual differences in working memory and reading // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 19, P. 450–466.
5. Miller G. A. The magical number seven, plus or minus two: Some limits on our capacity for processing information // *Psychological Review*, 63. 1956. P. 81–97.

При анализе (1)–(3) и других возникает гипотеза о том, что ИК-4 в русской речи предназначен для референции к ситуациям контраста. Поясним. Контраст соотносится 1) с выбором из известного говорящему и слушающему множества и 2) с соотносением текущего высказывания с мнением или ожиданием, с которым говорящий соглашается или нет. Однако утверждение о том, что во всех примерах с ИК-4, которые мы считаем нейтральными, реализуются все элементы толкования контраста, было бы слишком сильным. Употребления ИК-4 строятся либо на выборе элементов из известного множества, либо на борьбе мнений, либо на том и на другом. Многие употребления ИК-4 реализуют идиоматичные значения, не имеющие полного совпадения с толкованием контраста, а только существенно пересекающиеся с ним.

В вопросе с *А?* множество выбора налицо: мы говорим *А ваи билет?* только в ситуации, когда некоторые держатели билетов предъявили уже свои проездные документы. В (2) *Ваше имя\?* *Возраст\?* ИК-4 характерен именно для серии вопросов. Говорящий выясняет значения параметров из известного списка, и интонация показывает, что параметров более одного. В одиночном вопросе используется нисходящий акцент: *Ваша фамилия?* При стратегии незавершенности в (3) говорящий заранее решает, из каких этапов будет состоять его повествование, и сообщает, что текущий фрагмент повествования рассматривается не автономно, а на фоне других. Обратимся к другим контекстам ИК-4 и покажем, как соотносятся функции предложений с контрастом.

IV. Формулы прощания в режиме ожидания ответной реплики: *До встречи\;* *Пока\*. Здесь ИК-4 маркирует предпоследнюю реплику сеанса коммуникации. При других способах акцентирования предпоследняя реплика не обозначена как предпоследняя. При прощании навсегда ИК-4 не употребляется: *Прощайте\*. С контрастом это употребление связывает конечное число реплик, ибо в финале коммуникации прощальных реплик теоретически две и заранее известно, какие они. При нисходящем акценте ожидание ответа отсутствует: *Прощайте\*.

V. Ответ с вызовом рассмотрен Е. А. Брызгуновой: [*– Отец дома?*] – *Дом\*. *А что\?* Говорящий противопоставляет себя аудитории, которая, по его мнению, мыслит иначе: ‘я не соответствую вашим ожиданиям’.

VI. Незавершенность плюс контраст или эмфаза. В (5) фигурирует уже не идиоматичное, а композиционное сочетание контраста и незавершенности: на *да-нет*-вопрос

(контрастный вопрос с выбором между «да» и «нет») оппонента говорящий отвечает утвердительно. Здесь перед нами *да-нет*-рема в контексте незавершенности:

(5) [*– Ленино желание – оно вообще исполнимо?*] – *Я считаю, что исполнимо*✓, *просто нужно...*

VII. В русистике известно, что ИК-4 служит маркером незавершенности в официальном стиле речи, ср. чтение судьей решения по делу о семейном споре.

(6) *Разрешая спор о перезахоронении*✓, *возникший между родственниками умершего*✓, *суд исходил из того, что в данном случае*✓ *волеизъявления умершего* / *о месте захоронения не было.*

Однако анализ этого примера и других показывает, что ИК-4 присущ не просто официальному стилю, а стратегии незавершенности, которая маркирует «изложение по порядку», ср. пункт III. В обыденной речи ИК-4 как показатель незавершенности встречается не менее часто, чем в официальной.

Вернемся к примеру (4) и покажем, что в его придаточном контраст отсутствует. Одним источником контраста на глаголе могло бы быть противопоставление ‘не задерживались, а двигались дальше’. Такого значения здесь нет. Другим видом контраста могла бы быть верификация, т. к. ак-

центоносителем верификации служит финитный глагол. (Верификация – оценка высказывания как истинного или ложного [Адамец 1978]). Такого значения здесь тоже нет. Итак, в (4) простой контраст и верификация отсутствуют и контекста рассказа «по порядку» нет. Значит, и основания для интонирования акцентоносителя придаточного средствами ИК-4 отсутствуют. Между тем ИК-4 здесь имеется, норма нейтральной речи негрубо, но нарушается, что оставливает внимание аудитории.

Наша гипотеза относительно источника расширения функции ИК-4 такова. В английском языке функции акцента типа ИК-4 гораздо шире, чем в русском. Здесь это нейтральный маркер незавершенности в отсутствие семантики рассказа по порядку. Можно предположить влияние со стороны англоязычных средств массовой коммуникации.

Итак, в русском языке ИК-4 используется для обозначения незавершенности текста в контексте контраста: при сопоставлении объектов и борьбе мнений. Между тем в средствах массовой коммуникации наблюдается инновационная тенденция к употреблению ИК-4 в отсутствие контраста. В связи с этим возникает гипотеза о воздействии на русскую речь английского языка, где фонетически близкий акцент имеет более широкие функции.